

«Город потерянных детей»

Как в Ереване возник литературный клуб «Арцак» — пространство, где русскоязычные авторы работают с памятью, болью и настоящим. Интервью участников «Арцака» между собой

Зрители на первой читке молодых писателей клуба «Арцак» в Letters&Numbers. Фото: Армен Межлумян

16:27, 30 июля 2025,

Писательский клуб «Հ ի Հ |Արձակ» (арм. «проза») — это объединение молодых авторов, живущих в Ереване. Клуб организовали писательницы из России Саша Баженова-Сорокина и Оля Аристова, третьим организатором стала Алиса Осипян. За эти месяцы состав участников менялся, кто-то уходил, кто-то приходил. Среди членов клуба — как издающиеся, так и начинающие авторы. За это время клуб провел несколько публичных чтот и стал частью литературной жизни города.

Алиса — одна из организаторов клуба, Виген — присоединился к клубу после первой публичной читки. Мы — Алиса и Виген — решили поговорить о том, как создавалось сообщество, как меняется наше письмо и почему именно Ереван стал местом, где это стало возможным.

— Алиса, помнишь концерт Земфиры* в июле?

— Да. Запомнила строчку: «Не тупите, я не объявляла войну». И еще Земфира сказала: «Как же так вышло, что я здесь ни разу еще не была». А я думала, что и представить себе не могла, что когда-нибудь она сюда приедет. Ни в 12 лет, когда с лучшей подругой гуляла по молоканскому садику и пела «Блюз», ни когда в 16, улетая из Еревана в Москву «навсегда», включала себе «Самолет».

— А что поменялось с тех пор?

— Много всего. Город очень изменился за последние годы. Не думала, что в MamaJan будет читать стихи Елена Костылева, а в Common Ground я познакомлюсь с Михаилом Айзенбергом. Не думала, что сюда приедет Лия Ахеджакова, и главное — что на спектакль по книге Ольги Токарчук соберется два полных зала. В 2010-м я не знала ни о «Московском времени», ни о феминистской поэзии. И казалось, что вокруг тоже никто об

этом не знает.

— А теперь каждое воскресенье ты едешь в писательский клуб.

— Можешь в это поверить? И я радуюсь самому факту присутствия таких людей в моем городе, из которых можно собрать целый писательский клуб. Недавно прочла, что так же собирались члены гумилевского «Цеха» — читали друг другу стихи, обсуждали по кругу.

— **Но мы не гумилевский «Цех». И даже не футуристы.**

— Да, мне меньше всего хотелось бы сравнивать себя с той или иной группировкой прошлого. Мне кажется, «Арцак» появился в том числе для того, чтобы мы — молодые писатели в эмиграции — перестали ориентироваться на прошлое. А может, даже избавились от ресентимента и соблазнительных сравнений себя с Иваном Буниным.

Алиса Осипян на читке в Letters&Numbers. Фото: Армен Межлумян

— Зачем вообще создавался «Арцак»?

— Когда я спросила у Саши Баженовой-Сорокиной, одной из создательниц клуба, она сказала: хотелось литературное сообщество, но не замкнутое на себе. Это тоже соблазнительно — делать что-то без вывески и для своих, но часто соскальзывает в «ты да я, да мы с тобой».

Мы не хотим создавать закрытый эмигрантский кружок и усиливать изоляцию. Поэтому нам важно налаживать контакты с армянским литературным комьюнити.

— **И не забывать, что мы живем не в вакууме.**

— Именно. Не в вакууме, не в городе N, а в Ереване. Сейчас в клубе состоят и эмигранты из России, и ереванцы. Кто-то говорит на армянском, но не пишет, кто-то только изучает. Я каждый раз радуюсь, когда кто-то из нас делает заказ в кафе на армянском — так и до двуязычного письма дойдем. Это может быть непросто, мы все разные, но мы нужны друг другу.

— **Расскажи, как проходят наши встречи.**

— Изначальная идея клуба такая: написал новый текст — понес коллегам, услышал обратную связь и получил помощь с редактурой. Это вдохновляет и подстегивает, потому что пишешь не в пустоту.

Александра Баженова-Сорокина на читке в Letters&Numbers. Фото: Армен Межлумян

— **И о чем в основном пишем?**

— Мы не объединены единым жанром или литературным направлением, хотя нельзя не отметить, что время, в котором мы оказались, требует своего — и каждый из нас тяготеет к работе с автобиографическим опытом. Мы не просто собираемся и поддерживаем друг друга, а ищем язык для описания нынешней реальности. И я вижу, что большинство из нас не боится ее впускать в себя. Я даже удивляюсь, насколько смелые и болезненные темы поднимаются в наших текстах. Удивляюсь и горжусь.

— Помню, на одном из собраний было три текста: один про женскую мастурбацию, другой — размышления на тему Слова Божьего, и там же, кажется, был твой текст об оккупации Арцаха, да еще и в жанре магического реализма. Согласись, размах впечатляет.

— А еще впечатляет, что тот, кто пишет про Слово Божье, внимательно слушает и потом дает дельную и валидную обратную связь по тексту про женскую мастурбацию, и наоборот. Как будто это то, к чему нужно стремиться — открытый и равный диалог на самые разные темы.

Из рассказа Алисы Осипян «Возгорающийся мерно»:

«Сестра, как угли в подтопке, шелестит и искрит, а я ее обнимаю. И она говорит: дом никогда не сгорал, дом никогда бы не смог сгореть. И я говорю: дом никогда не сгорал, дом вернулся в нас. И она говорит: дом всегда возвращается. А может быть, это я за нее говорю. А может быть, это она говорит за меня».

— Виген, а как ты попал в клуб?

— Пришел на февральскую читку ко Дню святого Валентина. Хотел послушать друзей, думал уйти после твоего выступления, а остался на весь вечер. Не мог сформулировать впечатление — теперь могу: это попало в меня до последней запятой. Все отличались по стилистике, но каждый щепетильно подошел к выбору слов. Особенно меня поразило, что вы закончили поэзией.

— **И ты сразу напросился.**

— Недолго думая. Не сказать, что меня приняли с распростертыми руками — получал ту же критику, что и все. Несколько старых текстов разнесли в пух и прах. Один называли «барочным кружевом, сотканным из ничего» — так изящно меня еще не разносили.

— **Но это помогло?**

— Еще как. Я стал писать проще, яснее, свежее. И главное, стала прослеживаться история. Понял, что редактура даже важнее написания. Я умудрился к июньской читке написать текст на 13 страниц, со всеми поругаться-помириться и сократить до трех с половиной.

Виген Ананян читает отрывки из своей книги в Letters&Numbers. Фото: Армен Межлумян

— **А как ты видишь нашу работу?**

— Мы довольно много пишем, и творческий процесс не останавливается. На июньской читке, когда мы отвечали на вопросы зрителей, я заметил, как один из нас открыл заметку в телефоне и начал сочинять стихотворение о черешне — она росла во дворе, и периодически ягоды падали в зрительный зал.

— **Значит, тексты рождаются так просто?**

— Да, иногда просто замираешь. Я написал очень личный текст сразу после ссоры с близким человеком — и специально в процессе запоминал особенно меткие фразы. Кто-то из нас живет как в ситкоме — впору брать попкорн, прежде чем слушать истории из жизни этого человека.

— **А теперь признайся, на кого ты намекаешь (смеется).**

Из рассказа Вигена Ананяна «Feels like home»:

«Паспортный контроль проходит как-то... бесцветно. Зачем-то вру, что еду в отпуск — излишняя паранойя в какой-то момент перестает быть излишней. И тем не менее эта процедура для меня — рубикон. Я оставляю позади одну родину и возвращаюсь на другую».

— Алиса, а почему именно в Ереване все собрались? В чем особенность города?

— В том, что он «загадочно любим»? (смеется). На самом деле, мне кажется, что в Ереване и правда все пронизано любовью, как бы это наивно ни звучало. Может, это потому, что я здесь родилась... Моя подруга как-то сказала мне, что Ереван в последние три года стал городом потерянных детей. Мы все оказались в растерянности и пошли навстречу друг другу. А как ты думаешь?

— Здесь первыми на ум приходят совсем другие мысли, нежели в Москве. Здесь считаешь иные знаки, здесь по-другому дышится и видится. Здесь какой-то особенный, не московский русский язык. Здесь история — не литература, а форма присутствия в жизни.

— Это влияет на то, как люди коммуницируют и работают?

— Думаю, да. Здесь проще прислушаться и принять чужое мнение. Может, во всем виноваты старенькие продавщицы цветов на перекрестках, которые иной раз спросят: «А у тебя вообще все хорошо?» Этот город создан для того, чтобы в нем творили в формате сообщества.

— Здесь мы будто уже готовимся к читке ко Дню города.

— Ну расскажи тогда о наших планах.

— Планы наполеоновские! А если честно, то делаем все по мере сил. Это еще одна особенность Еревана, здесь очень сложно работать. Но мы не сдаемся. Из ближайшего — хотим сделать третью публичную читку, посвященную нашему городу.

Участники писательского клуба «Арцак». Фото: Дарья Иванова

— Действительно нашему, как у Форша, где «Ереван — это мы». Получается, ты снова вернулась к песням Земфиры в молоканском садике, и круг замкнулся.

— Скорее, спираль. Мы вернулись в свой город, но уже с другим взглядом на мир, окруженные другими людьми. И теперь мы сами создаем то, чего не хватало в юности. И я буду безумно рада, если к нам придут молодые армянские писатели, и мы

могли бы поделиться друг с другом знаниями и опытом. Так что да, наши двери открыты.

Из эссе Александры Баженовой-Сорокиной «Летние песни»:

«Свет меняется на самый золотистый. Как в театре, мы стоим, хотя я все еду и еду. На деревянном помосте, чеховском таком, стоим я, киоск «Союзпечати», порнографический красно-коричневый диск, папа. Армянский язык, умирающий риф. Держимся за руки, как будто перед прыжком через костер. Или в. Но я надеюсь, что хотя бы сегодня — через».

Алиса Осипян, Виген Ананян

*Властями РФ признана «иноагентом»